

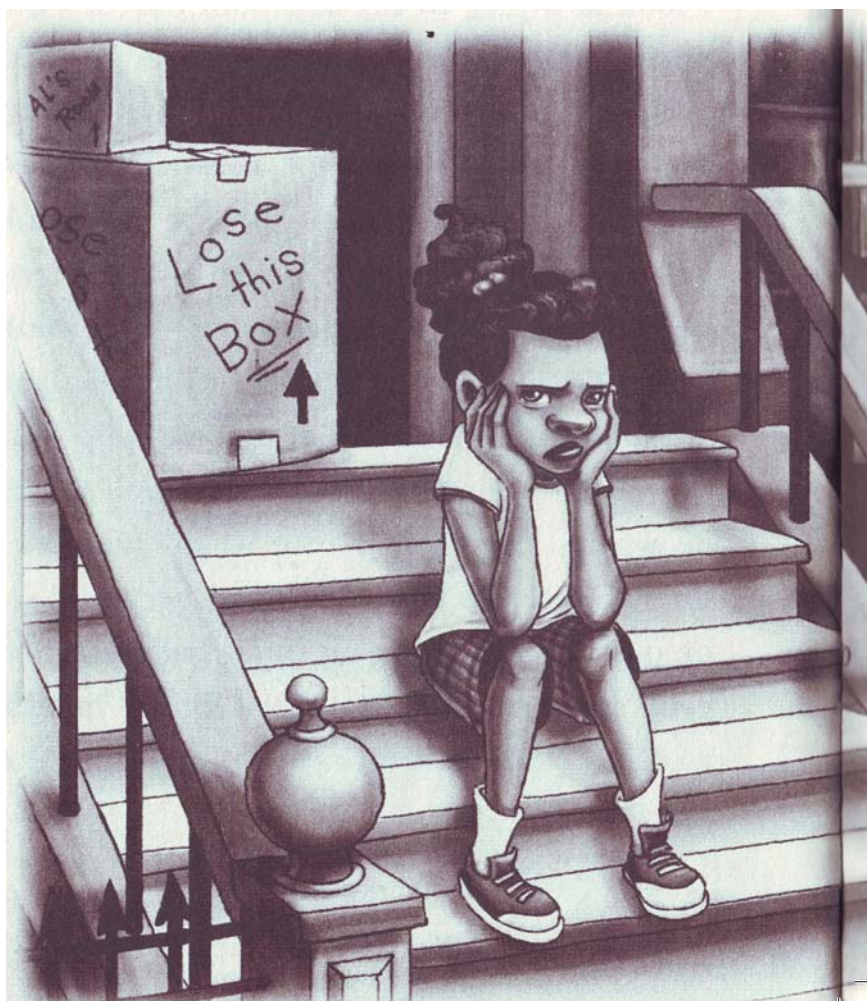
Глава 1

Я в своей новой комнате. Вот зеркало. По краям зеркало изукрашено розовыми балетными туфельками. Под ним комод. Ручки комода в виде розовых балетных туфелек. Рядом торшер – с абажуром в розовых балетных туфельках. А дальше моя кровать – вы уже догадались, конечно, что одеяло и подушки тоже сплошь в розовых балетных туфельках.

Вы, наверное, думаете, что хозяйка этой комнаты любит балет. Нет и нет! Балет обожает моя мама. Когда я родилась, она твердо решила сделать из меня балери-

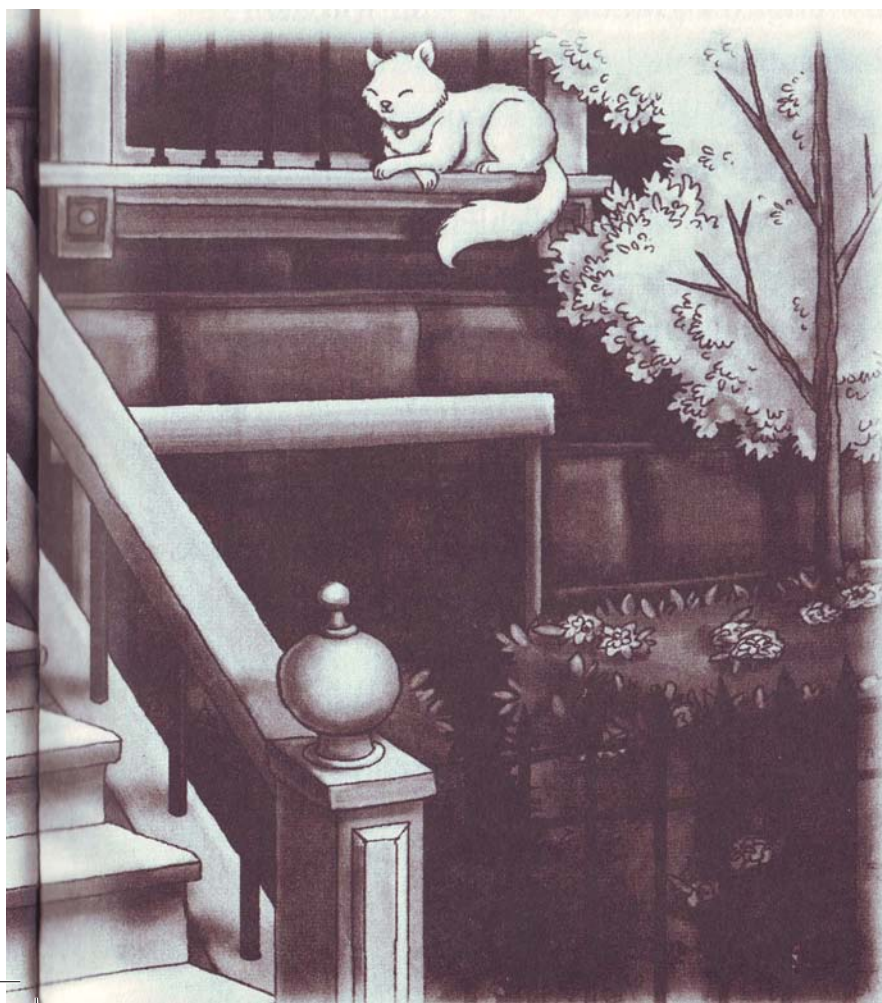
ну. И второе имя мне выбрала «Петракова» – Александрина Петракова Джонсон! Я дальше Атланты-то никогда не бывала, какая там Россия! Ну, а на прошлой неделе мы переехали сюда, в Гарлем.

Упаковав свои балетные вещички, я сказала одному из наших здоровенных

грузчиков: было бы здорово, если бы вы эту коробку где-нибудь потеряли. Я даже написала на ней фиолетовым маркером «Потеряйте эту коробку», чтобы они случайно не забыли.

А потом тетя Джеки привезла нас на Сто двадцать третью улицу, мы выбрались из

машины, вошли в квартиру, а моя короб-ка уже тут как тут – на самом верху груды ящиков в гостиной. Мама достала из нее и балетное зеркало, и балетную лампу, и балетное одеяло, и балетные подушки... Вся эта «балетная обстановка» и в старой моей комнате смотрелись не очень-то, но там я к ним хотя бы привыкла. А новая комната – просто какой-то балетный кош-мар. Повезло еще, что окна выходят на улицу. Может, если правильно направить вентилятор, все эти балетные штуки про-сто вылетят вон?

Мечтая об этом, я разглядываю картин-ки с балеринами (это, конечно, мама их здесь развесила). Вот Мария Толлчиф, она танцевала в «Нью-Йорк Сити Балет». Вот Вирджиния Джонсон, прима-балерина Театра танца Гарлема. И Джанет Коллинз, первая чернокожая прима-балерина Метрополитан-опера. Они смотрят на

меня сурово, словно знают, что я думаю всякие нехорошие вещи про балет.

Только на одном плакате человек улыбается. Это моя любимая спортсменка Фиби Фитц, чемпионка по бегу на коньках. Плакат с ее автографом мне подарила на прошлый день рождения тетя Джеки. Среди балерин Фиби выглядит некстати – точно-точно как я среди балетных туфельек. Мне кажется, что Фиби ободряюще мне подмигивает. Я снова поворачиваюсь к зеркалу.

Из зеркала на меня смотрит худенькая девятилетняя девочка. У меня темная кожа, как у мамы, и разного цвета глаза – один зеленый, другой голубой, – как у папы, а волосы темные и волнистые и стянуты в хвостик на затылке.

Фиби Фитц ужасно сильная. Она каждый день отжимается по сто раз. Я пока могу отжаться только двадцать три раза, но мускулы у меня уже о-го-го какие.

С виду я ничего, одна только беда – на мне многослойная балетная пачка, розовая и пышная. Торт, а не пачка. Бесчисленные слои органзы длиной до колена украшены мелкими стразами – похоже на утыканый бриллиантами розовый зефир. Вокруг талии понадшиты мелкие искусственные розочки, а стоит пошевелиться, как над юбкой взлетают серебристые ленты.

Просто ужас какой-то. Готова поспорить, что Фиби Фитц никогда не заставляли носить пачку.

– Мам, ну ты же знаешь, что на занятия эти тряпки носить не нужно! – кричу я вниз, в холл. Тишина.

Я иду в мамину студию – пачка прыгает вверх-вниз, как будто хочет оторваться. Вокруг громоздятся неразобранные коробки с вещами, но мама не обращает на них внимания. Она приклеивает на ка-

кую-то штуку огромные перья – кажется, раньше штука была вполне симпатичной шляпкой. Вообще-то мама шьет костюмы, но в последнее время она сходит с ума по шляпкам. Я знаю, мама очень талантливая – так все говорят, – но, по-моему, эта ее шляпка сильно смахивает на страусиную попу. На полу разбросаны блестки – они сверкают всеми цветами радуги.

Мама меня не замечает. Нормальные люди ходят дома в джинсах – но только не моя мама. Сейчас на ней ее собственное изделие – платье, которое она называет «золотоискательское». Идею она взяла из книги о золотой лихорадке в Калифорнии. Юбка изображает гору, и потому расширяется книзу. Когда мама стоит на месте, юбка коричневого цвета, с серым, вроде как земля и камни. Но стоит маме шагнуть, и вы видите блестящую золотистую вышивку и бусинки, прячущиеся глубоко в складках.

Мама очень любит это платье, но говорит, что на сцене оно не смотрится – то есть вблизи оно красивое, а если смотреть издали, то не видны всякие декоративные элементы. («Декоративные элементы» – это такие штуки, которые делают одежду необычной. Хорошо бы на моей пачке этих элементов было поменьше.)

Зато шляпка, с которой мама возится, будет смотреться на сцене отлично, даже если эту сцену устроят на Марсе, а зрители останутся на Земле.

– Отлично... ага, вот хорошо; или еще оранжевое добавить... – бормочет себе под нос мама, выбирая перья и на пробу прикладывая их к шляпе.

Письмо из балетной школы лежит на ее швейной машинке. Я машу письмом у мамы перед носом.

– Мама!

Она поднимает затуманенный взгляд

от шитья. Еще бы, у любого затуманится, если все утро, не отрываясь, глядеть на фиолетовые и оранжевые перья.

– О, Александрина! – говорит она и встает, чтобы лучше меня рассмотреть. – Ты чудесно выглядишь. Уже готова идти на занятия?

– Мама, вот послушай, – я читаю из письма вслух, – «Учащиеся школы «Щелкунчик» обязаны заниматься в стандартных балетных трико и колготках. Любая иная одежда запрещена».

Мама опускает перья.

– Ну, так ведь ты и придешь на занятия в трико. Оно у тебя замечательное, ни у кого такого нет. Представляешь, как оно будет смотреться на сцене?

И мама замирает в возвышенной артистической позе – так, словно выступает перед целым залом.

Ну да, ну да, на сцене моя пачка смотре-

лась бы просто замечательно. Одна проблема: я-то не на сцену собираюсь. Я просто иду в балетный класс чужой школы в чужом городе. А мама этот факт, похоже, из виду упускает.

– И нигде не написано, что нельзя носить поверх трико пачку, – продолжает мама. – А колготки, ты надела те чудесные колготки, что я тебе сделала?

Она пытается поглядеть на мой задний фасад, но я прижимаю пачку к коленкам. Эти колготки – одна из любимых маминых вещей. Ноги у них самые обыкновенные, зато на задку колготки расшиты сверкающими розовыми молниями. Носить эти колготки приходится поверх трико, потому что если надеть их под трико, никто не разглядит молнии (хотя меня это вполне устроило бы). Мама называет мой наряд «Супердевочка». «Девочка» – это потому что в пачке, а «супер» – из за молний.

Мама говорит, что контраст между нежной пачкой и грозными молниями дает интересный художественный эффект. Только школа требует, чтобы мы ходили в трико, а не в каких-то там эффектах. Ну и ладно, под пачкой их все равно никто не увидит.

– Ну, ма-ам...

От одной мысли о балетном классе у меня противно сосет в животе. Я же ни с кем там не знакома. Я даже не знаю, где там туалет. И вдобавок мне придется явиться в класс разряженной в пух и перья, словно игрушечная невеста со свадебного торта, вдобавок стукнутая молнией.

Мама бросает перья на стол и упирает руки в бока.

– Так, Александрина, все, хватит. Когда я была маленькая, то всегда мечтала заниматься балетом у мисс Деббэ в школе «Щелкунчик». У моей мамы не было на это денег. Зато теперь туда идет моя дочь, так

что выглядеть она должна достойно. Ясно?

– Ага-а... – Безнадега.

– Очень важно произвести хорошее первое впечатление, – добавляет мама.
– Когда ты войдешь в класс в наряде, сделанном моими собственными руками, все будут просто потрясены. Поверь, они запомнят это на всю жизнь.

Вот этого-то я и боюсь.